

Наказ. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Наказ. Василий Макарович Шукшин

Молодого Григория Думнова, тридцатилетнего, выбрали председателем колхоза. Собрание было шумным; сперва было заколебались – не молод ли? Но потом за эту же самую молодость так принялись хвалить Григория, что и самому ему, и тем, кто приехал рекомендовать его в председатели, стало даже неловко. Словом, выбрали.

Поздно вечером домой к Григорию пришел дядя его Максим Думнов, пожилой крупный человек с влажными веселыми глазами. Максим был слегка «на взводе», заявился шумно.

– Обмыва-ать! – потребовал Максим, тяжело привалившись боком к столу. – А-а?.. Как мы тебя – на руках посадили! Сиди! Сиди крепко!.. – он весело смотрел на племянника, гордый за него. И за себя почему-то. – Сам сиди крепко и других – вот так вот держи! – Максим сжал кулак, показал, как надо держать других. – Понял?

Григорий не обрадовался гостю, но понимал, что это неизбежно: кто-нибудь да явится, и надо соблюсти этот дурацкий обычай – обмыть новую должность. Должность как раз сулила жизнь нелегкую, хлопотную, Григорий не сразу и согласился на нее... Но это не суть важно, важно, что тебя – выбирали, выбрали, говорили про тебя всякие хорошие слова... Теперь изволь набраться терпения, благодарности – послушай, как надо жить и как руководить коллективом.

Максим сразу с этого и начал – с коллектива.

– Ну, Григорий, теперь крой всех. Понял? Я, мол, кто вам? Вот так: сядь, мол, и сиди. И слушай, что я тебе говорить буду.

Григорий понимал, что надо бы все это вытерпеть – покивать головой, выпить рюмку-другую и выпроводить довольного гостя. Но он почему-то вдруг возмутился.

– Почему крыть-то? – спросил он, не скрывая раздражения. – Что за чертова какая-то формула: «крой всех!..» И ведь какая живучая! Крой – и все. Хоть плачь, но крой. Почему крыть-то?!

– А как же? – искренне не понял Максим. – Ты что? Как же ты руководить-то собрался?

– Головой! – Григорий больше и больше раздражался, тем более раздражался, что Максим не просто бубнил по пьяному делу, а проявил уверенность и при этом смотрел на Григория, как на молодого несмышлениша.

– Головой я руководить собрался, головой.

– Ну-у!.. Головой-то многие собирались, только не вышло.

– Значит, головы не хватало.

– Хватало! Не ты один такой умница, были и другие.

– Ну? И что?

– Ничего. Ничего не вышло, и все.

– Почему же?

– Потому что к голове... твердость нужна, характер.

– Да мало у нас их было, твердых-то?! От кого мы стонали-то, не от твердых?

– Ладно, – согласился Максим. Спор увлек его, он даже не обратил внимания, что на столе у племянника до сих пор пусто. – Ладно. Вот, допустим, ты ему сказал: «Сделай то-то и то-то». А он тебе на это: «Не хочу». Все. Что ты ему на это?

Наказ. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Надо вести дело так, чтоб ему... не знаю – стыдно, что ли, стало.

Максим Думнов растянул в добродушной улыбке рот.

– Так... дальше?

– Не стыдно, нет, – сказал Григорий, поняв, что это, верно что, не аргумент. – Надо, чтоб ему это невыгодно было экономически.

– Так, так, – покивал Максим. И, не задумываясь, словно он держал этот пример наготове, рассказал: – Вот у нас пастух, Климка Стебунов, пропас наших коров два месяца, собрал деньги и послал нас всех... «Не хочу!» И все. А ведь ему экономически вон как выгодно! Знаешь, сколько он за два месяца слупил с нас? Пятьсот семьдесят пять рублей! Где он такие деньги заработает? Нигде. А он все равно не хочет. Ну-ка, раскинь головой: как нам теперь быть?

– Ну, и как вы?

– Пасем пока по очереди... Кому позарез некогда, тот нанимает за себя. Но так ведь дальше-то тоже нельзя.

– А где этот Климка?

– Гуляет, где! Пропьет все до копейки, опять придет... И мы опять его, как доброго, примем. Да еще каждый будет стараться, как накормить его получше. А его, по-хорошему-то, гнать бы надо в три шеи. Вот тебе и экономика, милый Гриша. Окончи ты еще три института, а как быть с Климкой, все равно не будешь знать. Тем более что он – трудовой инвалид.

Григорий поубавил наступательный разгон, решил, что, пожалуй, стоит поговорить повнимательней.

– Погоди. Ну, а как бы ты поступил, будь ты хозяин... то есть, не хозяин, а...

– Понимаю, понимаю. Как? Пришел бы к нему домой, к подлецу... От него дома-то все плачут! «Вот что, милый друг, двадцать четыре часа тебе: или выходи коров пасти, или выселяем тебя из деревни». Все.

– Как же ты так? Сам же говоришь, он инвалид...

– Нам известно, как он инвалидом сделался: по своей халатности...

– А как?

– На вилы со стога прыгнул. Надо смотреть, куда прыгаешь. Но я ведь тебе не говорю, что я имею право его выселить. Ты спросил, как бы я действовал на твоём месте, я и прикидываю. Перво-наперво я бы его напугал насмерть. Нашел бы способ! Подговорил бы милиционера, подъехали бы к нему на коляске: «Садись, поедем протокол составлять об твоём выселении». Я же знаю Климку: сразу в штаны наложит. Завтра же до света помчится со своей дудкой коров собирать. Ничем больше Климку не взять. Проси ты его, не проси – бесполезно. Экономикку эту он тоже... у него своя экономика: он рублей триста домой отдал, семье, а двести с лишним себе оставил и прикинул, на сколько ему хватит. Недели на две хватит: он хоть и гуляет, а угостить из своего кармана шиш кого угостит.

Григорий задумался. Ведь и правда, завтра же перед ним станет вопрос: как быть со стадом колхозников? А как быть?

– Так что, неужели никого больше нельзя заинтересовать?

– А кого?! – воскликнул Максим. – Мужики помоложе да покрепче, они все у дела – все почти механизаторы, совсем молодой – тот посоветится пастухом, бабу какую-нибудь... У каждой семья, тоже не может. Вот и беда-то – некому больше. Я бы пошел, но староват уже гоняться-то там за ими по косогорам. Вот видишь, я тебе один маленький пример привел, и ты уже задумался, – Максим весело посмотрел на племяша, дотянулся к нему, хлопнул по плечу. – Не журишь! Однако прислушайся к моему совету: будь покруче с людьми. Люди, они ведь... Эх-х! Давай-ка по рюмочке пропустим, а то у меня аж в горле высохло: целую речь тут тебе закатил.

Григорий хотел позвать жену из горницы, чтоб она собрала чего-нибудь на стол, но Максим остановил:

– Не надо, пусть она там ребятишек укладывает. Мы сами тут чего-нибудь...

Григорий достал что надо, они налили по рюмочке, но пить не стали пока, закурили.

– Я ведь по глазам вижу, Гриша: сперва окрылся на меня – пришел, дескать, ученого учить! А я просто радый за тебя, пришел от души поздравить. Ну, и посоветовать... Я как-никак жизнь доживаю, всякого повидал, – Максим склонил массивную седую голову, помолчал... И Григорий подумал в эту минуту, что дядя его, правда, повидал всякого: две войны отломал, на последней был ранен, попал в плен. Потом, после войны, долго выясняли, при каких обстоятельствах он попал в плен... А пока это выясняли, жена его, трактористка-стахановка, заявила тут, что отныне она не считает себя женой предателя, и всенародно прокляла тот день и час, в какой судьба свела их. И вышла за другого фронтовика. Все это надо было вынести, и Максим вынес. – Да, – сказал Максим, – вот такие наши дела. Давай-ка...

Они выпили, закусили, снова закурили. Максиму стало легче, он вернулся к разговору.

– Вся беда наша, Григорий, что мужик наш середки в жизни не знает. Вот я был в Германии... Само собой, гоняли нас на работу, а работать приходилось с ихними же рядом, с немцами. Я к ним и пригляделся. Тут... хошь не хошь, а приглядишься. И вот я какой вывод для себя сделал: немца, его как с малолетства на середку нацелили, так он живет всю жизнь – посередке. Ни он тебе не напьется, хотя и выпьет, и песню даже затянут... Но до края он никогда не дойдет. Нет. И работать по-нашенски – чертомелить – он тоже не будет: с такого-то часа и до такого-то, все. Дальше, хоть ты лопни, не заставишь его работать. Но свои часы отведет аккуратно – честь по чести, – они работать умеют, и свою выгоду... экономику, как ты говоришь, он в голове держит. Но и вот таких, как Климка Стебунов, там тоже нету. Их там и быть не может. Его там засмеют, такого, он сам не выдержит. Да он там и не уродится такой, вот штука. А у нас ведь как: живут рядом, никаких условий особых нету ни для одного, ни для другого, все одинаково. Но один, смотришь, живет, все у него есть, все припасено... Другой только косится на этого, на справного-то, да подсчитывает, сколько у него чего. Наспроть меня Геночка вон живет Байкалов... Молодой мужик, здоровый – ходит через день в пекарню, слесарит там чего-то. И вся работа. Я ему: «Генк, да неужель ты это работой считаешь?» – «А что же это такое?» – «Это, мол, у нас раньше называлось: смолить да к стенке становить». Вот так работа, елкина мать! Сходит, семь болтов подвернет, а на другой день и вовсе не идет: и эта-то, такая-то работа, – через день! Во как!

– Сколько же он получает? – поинтересовался Григорий.

– Восемьдесят пять рублей. Хуже бабы худой. Доярки вон в три раза больше получают. А Генке – как с гуся вода: не совестно, ничего. Ну, ладно, другой бы, раз такое дело, по дому бы чего-то делал. Дак он и дома ни хрена не делает! День-деньской на реке пропадает – рыбачит. И ничего ему не надо, ни об чем душа не болит... Даже завидки берут, ей-богу. Теперь – другой край: ты Митьшу-то Стебунова знаешь ведь? – Максим сам вдруг подивился совпадению: – Они как раз родня с Климкой-то Стебуновым, они же братья сродные! Хэх... Вот тебе и пример к моим словам: один всю жизнь груши околачивает, другой... на другого я без уважения глядеть не могу, аж слеза прошибет иной раз: до того работает, сердешный, до того вкалывает, что приедет с пашни – ни глаз, ни рожи не видать, весь черный. И думаешь, из-за жадности? Нет – такой характер. Я его спрашивал: «Чего уж так хлещешься-то, Митьша?» – «А, – говорит, – больше не знаю, что делать. Не знаю, куда девать себя». Пить опасается: начнешь пить, не остановишься...

– Что, так и говорит: начну, значит, не остановлюсь?

– Так и говорит. «Если уж, говорит, пить, так пить, а так даже и затеваться неохота. Лучше уж вовсе не пить, чем по губам-то мазать». Он справедливый мужик, зря говорить не станет. Вот ведь мы какие... заковыристые, – Максим помолчал, поиграл ногтями об рюмочку... Качнул головой: – Но все же это только последнее время так народ избаловался. Техника!.. Она доведет нас, что мы – или рахитами все сделаемся, или от ожирения сердца будем помирать лет в сорок. Ты гляди

Наказ. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
только, какие мужики-то пошли жирные! Стыд и срам глядеть. Иде-ет, как баба брюхатая. «Передай привет, три года не вижу». Ведь он тебе сейчас километра пешком не пройдет – на машине, на мотоцикле. А как бывало... Мы вот с отцом твоим, покойником, как? День косишь, а вечером в деревню охота – с девками поиграть. А покосы-то вон где были! – за вторым перешейком, добрых пятнадцать верст. А коня-то кто тебе даст? Кони пасутся. Вот как откосимся, повечеряем – и в деревню. В деревне чуть не до свету прохороводишься – и опять на покос. Придешь бывало, а там уж поднялись – косить налаживаются. И опять на полдня...

– Когда же вы спали-то?

– А днем. В пекло-то в самое не косили же. Залезешь в шалаш – и умер. Насилу добудутся потом. Помню, Ванька... Иван, отец твой, один раз таким убойным сном заснул, что не могут никак разбудить. Чего только с им ни делали!.. Штаны сняли, по поляне катали – спит, и все. Тятя разозлился: «Счас, говорит, бич возьму да бичом скорей добужусь!» Я уж щекотать его начал, ну кое-как продрал глаза. А то никак! – Максим посмеялся, покачал головой, задумался: вспомнил то далекое-далекое, милое сердцу время. И Григорий тоже задумался: он плохо помнил отца, тот вскоре после войны умер от ран, Григорий хранил о нем светлую память. Долго молчали.

– Да, – сказал Григорий. – Но с техникой – это ты зря. Что же, весь свет будет на машинах, а мы... в ночь по тридцать верст пешака давать? Тут ты тоже... в крайность ударился. Но про середку – это, пожалуй, не лишено смысла А?

– Не лишено, нет. Налей-ка, да я тебе еще одну поучительную историю расскажу. Ты ничего, спать не хошь?

– Нет, нет! Давай историю.

Максим пододвинул к себе рюмку, задумчиво посмотрел на нее и отодвинул.

– Потом выпью, а то худо расскажу. Я ведь шел к тебе, эту историю держал в голове, расскажу, думаю, Гришке – сгодится. Это даже не история, а так – из детства тоже из нашего. Но она тебе может сгодиться – она тоже... как сказать, про руководителя: каким надо быть руководителем-то. – Максим посмотрел на племянника не то весело, не то насмешливо... Григорию показалось – насмешливо. Дядя вроде подсмеивался над его избранием в руководители. У Григория даже шевельнулось в душе протестующее чувство, но он смолчал. В этот вечер он как-то по-новому узнал дядю. «Сколько же, оказывается, передумала эта голова! – изумлялся он, взглядывая на Максима. – Ничего не принял мужик на голую веру, обо всем думал, с чем не согласен был, про то молчал. Да и не спорщик он, не хвастал умом, но правду, похоже, всегда знал».

– Было нам... лет по пятнадцать, может, поменьше, – стал рассказывать Максим. – Деревня наша, не деревня – село, в старину было большое, края были: Мордва, Низовка, Дикари, Баклань...

– Это я еще помню, – подсказал Григорий.

– А, ну да, – согласился Максим. – Я все забываю, что тебе уж тоже за тридцать, должен помнить. Ну, вот. И вот дрались мы – край на край – страшное дело. Чего делили, черт его в душу знает. До нас так было, ну и мы... Дрались несусветно. Это уж ты не помнишь, при Советской власти это утихать стало. А тогда просто... это... страшное дело что творилось. Головы друг другу гирьками проламывали. Как какой праздник, так, глядишь, кого-нибудь изувечили. Ну а жили-то мы в Низовке, а Низовка враждовала с Мордвой, и мордовские нас били: больше их было, что ли, потом они все какие-то... черт их знает – какие-то были здоровые. Спуску мы тоже не давали... У нас один Митька Куксин, тот черту рога выломит – до того верткий был парень. Но все же ордой они нас одолевали. Бывало, девку в Мордве лучше не заводи: и девке попадет, и тебе ребра перещитают. И вот приехал к нам один парнишечка, наш годок, а ростиком куда меньше, замухрышка, можно сказать. Теперь вот слушай внимательно! – Максим даже и пальцем покачал в знак того, чтоб племяш слушал внимательно. – Тут самое главное. Приехал этот мальчишечка... Приехали они откуда-то из Черни, с гор, но – русские. Парнишечку того звали Ванькой. Такой – шшербатенький, невысокого росточка, как я сказал, но – подсадиный, рука такая... вроде не страшная, а махнет – с ног полетишь. Но дело не в руке, Гриша. Я потом много раз споминал этого Ваньку, перед глазами он у меня стоял: душа была

стойкая. Ах, стойкая была душа! Поселились они в нашем краю, в Низовке, ну, мордовские его один раз где-то прищучили: побили. Ладно, побили и побили. Он даже и не сказал никому про это. А с нами уже подружился. И один раз и говорит: «Чо эт вы от мордовских-то бегаете?» – «Да оно ведь как, мол? – привыкли и бегаем», – Максим без горечи негромко посмеялся. – Счас смешно... Да. Ну, давай он нам беса подпускать: разжигать начал. Да ведь говорить умел, окаянный! Разжег! Оно, конечно, пятнадцатилетних раззудить на драку – это, может, и нехитрое дело, но... все же. Тут мно-ого разных тонкостей! Во-первых, мы же лучше его знали, какие наши ресурсы, так сказать, потом – это не первый год у нас тянулось, мы не раз и не два пробовали дать мордовским, но никогда не получалось. И вот все же сумел он нас обработать, позабыли мы про все свои поражения и пошли. Да так, знаешь, весело пошли! Сошлись мы с имя на острове... спроть фермы островок был, Облепишный звали. Счас там никакого острова нет, а тогда островок был. Мелко, правда, но штаны надо снимать – перебродить-то. Перебрели мы туда... Договорились, что ничего в руках не будет: ни камней, ни гирек, ничего. И пошли хлестаться. Ох, и полосовались же! Аж спомнить – и то весело. Аж счас руками задвигал, ей-богу! – Максим тряхнул головой, выпил из рюмки, негромко кхэкнул – помнил, что в горнице улеглись ко сну дети Григория и жена. И продолжал тоже негромко, с тихим азартом: – Как мы ни пластались, а опять они нас погнали. А погнали куда? К воде. Больше некуда. Мы и сыпанули через протоку... Те за нами. И тут, слышим, наш шшербатенький Ванька ка-ак заорет: «Стой, в господа, в душу!.. Куда?!» Глядим, кинулся один на мордовских... Ну, это, я тебе скажу, видеть надо было. Много я потом всякого повидал, но такого больше не приходилось. Я и драться дрался, а глаз с Ваньки не спускал. Ведь не то что напролом человек пер, как пьяные, бывает, он стерегся. Мордовские смекнули, кто у нас гвоздь-то заглавный, и давай на него. Ванька на ходу прямо подставил одного, другого вокруг себя – с боков, со спины – не допускайте, говорит, чтоб сшибли, а то развалимся. Как, скажи, он училище какое кончал по этому делу! Ну, полоскаемся!.. А в протоке уж дело-то происходит, на виду у всей деревни. Народ на берег сбежался – глядят. А нам уж ни до чего нет дела – целое сражение идет. С нас и вода, и кровь течет. Мордовские тоже уперлись, тоже не гнутся. И у нас – откуда сила взялась! Прямо насмерть схватились! Не знаю, чем бы это дело закончилось, может, мужики разогнали бы нас кольями, так бывало. Переломил это наше равновесие все тот же Ванька шшербатый. То мы дрались молчком, а тут он начал приговаривать. Достанет какого и приговаривает: «Ах, ты, головушка моя бедная! Арбуз какой-то, не голова». Опять достанет: «Ах, ты, милашечка ты мой, а хлебни-ка водицы!» Нам и смех, и силы вроде прибавляет. Загнали мы их опять на остров... И все, с этих пор они над нами больше не тешились. Вот какая штука, Григорий! Один завелся – и готово дело, все перестроил. Вот это был – руководитель. Врожденный.

– Мда, – молвил Григорий; история эта не показалась ему поучительной. Ни поучительной, ни значительной. Но он не стал огорчать дядю. – Интересно.

Максим уловил, однако, что не донес до племянника, что хотел донести. Помолчал.

– Видишь, Григорий... Я понимаю, тебе эта история не является наукой... Но, знаешь, я и на войне заметил: вот такие вот, как тот Ванька, мно-ого нам дела сделали. Они всю войну на себе держали, правда. Перед теми, кто только на словах-то, перед имя же не совестно, а перед таким вот стыдно. Этот-то, он ведь все видит. Ты ему не словами, делом доказывай... Делом доказывай, тогда он тебе душу свою отдаст, Конечно, история... не ах какая, но, думаю, выбрали тебя в руководители, дай, думаю, расскажу, как я, к примеру, это дело понимаю. А? – Максим посмотрел прямо в глаза племяннику, непонятно и значительно как-то усмехнулся. – Ничего, поймешь что к чему. Пой-ме-ешь.

– Что потом с этим Ванькой стало? – спросил Григорий.

– А не знаю. Уехали они опять куда-то. Вскорости и уехали. Да разве дело в том Ваньке! Их таких много. Хотя я тогда прямо полюбил того Ваньку, честное слово. Прямо обожал его. А он еще и... это... не нахальный был. Жили они беднова-то, иной раз и пожрать нечего было. Я не знаю... чего-то мотались по свету... Так вот, принесешь ему пирог какой-нибудь, он аж покраснеет. «Брось, – говорит, – зачем?» Застесняется. Я люблю таких... Уехали потом куда-то. А я вот его всю жизнь помню, вот же как.

– История твоя не лишена, конечно, смысла, – сказал Григорий.

– Не лишена, нет, – Максим кивнул головой согласно. Но оттого, что история его

Наказ. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

не вышла такой разительной и глубокой, какой жила в его душе, он скис, как-то даже отрезвел и погрузнел. – Не лишена, Гриша, не лишена. На словах я тебе могу только одно сказать: не трусь. Как увидят, что не трусишь, так станут люди поддерживать...

– Ну, одной смелости тут тоже, наверно, мало.

– Мало, – Максим опять кивнул. Подумал. – Но смелый хоть не врет, – Максим снова посмотрел в глаза Григорию. – Не додумается врать, смелый-то. Чуешь? А голова... что же, какая есть. Какую бог дал. Голова у тебя неплохая. Но... бывает... – Максим вдруг махнул рукой, досадливо поморщился. – Заговорился я чего-то. Ладно. Лишка, видно, хватил, правда. Не обессудь, Гриша. Спите, – Максим встал из-за стола, посмотрел на дверь горницы... И спросил шепотом: – Как жена-то?

– Что? – не понял Григорий.

– Не ворчит, что в деревню увез из города?

Григорий улыбнулся... Не сразу сказал, и сказал тоже тихо:

– Всякое бывает.

Это Максиму понравилось: ответ правдивый, не бравый и не жалостливый. Он кивнул на прощание и пошел к двери, стараясь ступать нетяжело, но все равно вышло грузно и шумно. Максим поскорей уж дошел последние шаги, толкнул дверь и вышел в сени. И там только ступил всей ногой... И на крыльце громко прокашлялся и сказал сам себе:

– Эка темень-то! В глаз коли...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!